

ПЛАМЯ

Рассказ

Ливень начался внезапно, в разгаре дня, как это обычно и бывает, когда последний летний месяц выдается особенно жарким. Степан Грунев, которого резкая смена погоды застала на полпути, решил по такому случаю заскочить к жившему неподалеку Дмитрию Ивановичу и провести его.

— Дед Мить, здесь ты, нет? — громко спросил он, отряхивая свои мокрые волосы в прихожке.

— Эу, — раздался приглушенный голос. — Кто там пришел?

— Это я, Степан, — отвечал Грунев, заходя в дом.

— А, привет-привет, — старик лежал в постели, плотно укрывшись одеялом. — Что там, дождик, что ли, начался?

— Да как обычно...

Грунев прошелся по комнате, взял стул и подсел ближе к кровати.

— Такой ливень, что все тропки — в ручьи, — он засмеялся, — а все через пять минут закончится.

— Да-а, — протянул Дмитрий Иванович. — У нас говорили: как вспльчивый человек — в минуту зажигается, в пять минут затухает, а наворотит — ввек не разберешь.

— Ты как живешь-то тут, дед Мить, помочь, может, чем? Вон все лежишь.

— Да помаленьку живем, Степа, помаленьку. Наше дело стариковское, сам знаешь, лежи себе и лежи...

— Ну почему? Вон можно, — Грунев задумался, — по грибы там ходить или еще что; зачем же все время лежать?

— А что же все время-то? Я не все время... Я вон это, — старик начал посмеиваться, — в нужник иногда выхожу.

Дмитрий Иванович расхохотался, и Степан, глядя на него, тоже не смог сдержать смех. «Такой не пропадет, — думал он. — Сильный он, все ему нипочем».

— А дрова-то есть у тебя? — Грунев встал и прошелся по комнате. — Смотри, дождь-то кончится, истопить бы надо, а то сыро — простынешь еще. Вон сейчас-то ты правильно под одеялом лежишь...

— Да есть, Степа, все есть. Живем, как цари, — старик задумался и добавил: — Нет, лучше! Цари ведь так жили, что им вечно чего-то не хватало, знаешь. А у нас: дрова да каша — вот и живем в достатке... Хорошо живем, Степа, хорошо.

— Ну смотри... Ты если что вспомнишь, я в другой раз приду — сделаю, ты скажи только.

— Спасибо, спасибо, Степ.

Артем Геннадьевич Ершов родился в 1994 году в Санкт-Петербурге. Магистрант кафедры русской литературы филологического факультета РГПУ им. А. И. Герцена. Победитель Третьего и Четвертого Всероссийских фестивалей литературного творчества учащихся (2010 и 2011 гг.). Первые публикации — в журнале «Творчество юных».

— Вот ливень-то, — негромко сказал Грунев, глядя в окно. — Такой бы вчера, а, дед Мить? Когда у Борьки-то дом горел. Ох, и повозились мы... Жара такая, аж трещит все. А тут еще он. Пьяный, зараза; небось окурок упал в черный пол — все и загорелось. Дом-то старый, еще высох весь по такой жаре-то...

— Да-а, — протянул задумчиво Дмитрий Иванович.

Помолчали немного. Только слышно было, как стучат по крыше крупные капли дождя. Сперва их было так много, что стук этот сливался в неразличимый монотонный гул, но постепенно удары становились реже — августовский ливень подходил к концу.

— Он еще денег у меня занимал на той неделе, — как бы случайно, вполголоса проговорил Степан. — С получки, говорит, отдам, мне до получки только... Отдаст теперь, как же...

— Это что же, ему теперь и жить негде?

— Выходит, что так. Дом-то сгорел подчистую... Мы, конечно, как могли... как могли... Да куда там. Вспыхнул, как спичка... Он, наверное, сам потух, а не мы его потушили...

Грунев грустно улыбнулся. Стук капель по крыше становился все реже.

— Да, верно, перекантуется у дружков своих, — уже громче начал Степан, отворачиваясь от окна и прохаживаясь по комнате. — Пил же он с кем-то все это время. Вот пусть его собутыльнички к себе и забирают.

Старик вздохнул.

— Да, сколько молоденьких загубила горькая...

— Ладно, дед Мить, — Грунев резко остановился, будто вспомнив о чем-то, — пойду я, наверное. Дождь уж почти кончился... Если тебе не надо ничего...

— Нет-нет, — Дмитрий Иванович приподнялся в постели, — ничего не нужно. Иди с богом!

Степан ободряюще, как ему казалось, кивнул старику и вышел из дома.

На следующей неделе горело у Красильниковых. И снова среди ночи. Никто толком и не узнал ничего до утра, даже сами хозяева: Витька с женой и детьми в тот день уехал в гости к двоюродной сестре, заночевали там... Спали себе спокойно, а в эту ночь у них дом-то и сгорел. Вернулись, посмотрели и поехали обратно к сестре — а что делать?..

На место пожара прибыл лейтенант Тряпицын с молоденьким стажером. Все ходили там, высматривали что-то, изучали. И чего там было изучать? Одна печная труба только и осталась да пепел кругом и бревна обугленные. Все, как в прошлый раз: жаркие дни, сухая погода, горячий воздух и — пожар.

Дней через пять после этого надо было Степану в центр по делам. Управился быстро, до автобуса времени — вагон... Решил зайти в отделение, поговорить с лейтенантом. Как-никак все детство вместе провели: прежде чем перебраться в город, Тряпицын жил в той самой деревне, и они с Груневым были соседями, в школе вместе учились, а потом их пути разошлись. Тем не менее все это время они оставались добрыми друзьями.

Степан постучал в массивную тяжелую дверь.

— Да, войдите, — раздался голос.

В небольшой комнате за столом сидел лейтенант Тряпицын, погруженный в бумажную работу.

— О-о, — протянул Грунев, заходя внутрь, — контора пишет. Здорово, Вовка!

— Здоров, Степан, — отвечал Тряпицын, пожимая руку другу детства. — Какими судьбами?

— Да я тут к вам... по делам, в общем, Танька меня послала тут прикупить... Да что я тебе рассказываю — сам ведь женатый человек, — Грунев рассмеялся.

— Да, — улыбнулся лейтенант, — время бежит... А согласись, ведь, кажется, еще вчера... или хотя бы на той неделе околачивались с тобой на старой лесопилке, а?

— О-о, — смеясь, протянул Степан, — ну ты, брат, махнул! Это твое «на той неделе» тыщу недель назад уж было!

— Ну, не тыщу...

— Да точно!

Приятели расхохотались, и Тряпицын предложил Груневу чая. Тот не отказался. Посидели, повспоминали детство, посмеялись.

Вдруг Степан спросил:

— Слушай, Вов, а что там с Красильниковых домом? Наши-то шепчутся, непонятно что-то, уже кто чего только не напридумывал. Дома-то их ведь не было. Проводка, наверное, да?

Тряпицын нахмурился. Беззаботный тон разговора ощутимо сходил на нет. Грунев замер со стаканом чая в руке и уставился на переменявшегося в лице друга. Наконец тот ответил:

— Я тебе по секрету, как другу, слышишь? Никто из наших не должен знать...

Степан поставил стакан на стол и кивнул.

— Мы рассматриваем версию поджога.

Грунев словно пропустил это мимо ушей или думал, что ему показалось. Он довольно глупо улыбнулся и пристально посмотрел в глаза друга.

— К-как ты сказал?

— На данный момент следствие рассматривает как одну из версий возможность поджога, — сухо и протокольно повторил Тряпицын.

Степан взволнованно посмотрел по сторонам. Лейтенант зашелестел бумагами на столе.

— И это... точно? — спросил наконец Грунев.

— На самом деле нет, это лишь одна из версий. Точно сказать очень трудно, ведь дом сгорел буквально дотла... Я не буду тебе сейчас объяснять, откуда что берется, но экспертиза... очаг возникновения огня... В общем, есть повод полагать, что это был поджог.

Степан смотрел на лейтенанта тупым немигающим взглядом.

— Более того, — продолжил Тряпицын, — сгоревший неделю тому дом... этого...

— Борьки?

— Да, Игнатьева... Вот он тоже мог сгореть не просто так...

— И... и что же теперь... делать?

— Искать, Степка, искать. Дорожные патрули на въездах в деревню предупреждены, поисковая операция ведется, — он посмотрел на своего собеседника и удивился тому, как тот был бледен. — Да не переживай ты, поймаем мы его. Это все дело техники на самом деле... Ты только никому из наших пока ничего не рассказывай, понял? Я тебе по секрету, как родному.

Грунев кивнул.

— Ты пей чай-то, пей, — сказал лейтенант, улыбнувшись, и продолжил перебирать бумаги.

Вечером того же дня Степан снова зашел к Дмитрию Иванычу и помог ему наколоть дров. Тот в свое время пренебрег советом Грунева и действительно теперь приболел.

— Я ведь тебе говорил, дед Митя, — отчитывал его Степан, складывая дрова рядом с печкой, — затопи, как ливень кончится, простынешь... Вот взрослый человек, а все одно что дитя малое. А? Ну что ты теперь на меня смотришь? Теперь вот не можешь сам печь-то натопить...

Дмитрий Иваныч лежал на боку в своей постели и грустно глядел на Грунева, складывающего в топку дрова. В доме было тихо, как и во всей деревне. Августовские ночи начинались рано, и все расходилось по своим домам с первыми же сумерками. Кто читал, кто смотрел телевизор, кто просто пил чай и болтал о том о сем, кто пил совсем не чай, а кто-то уже крепко спал... Спала и жена Грунева, Татьяна; то и дело засыпал Дмитрий Иваныч... Степан достал из кармана спички и стал топить печь. Вид разгорающегося пламени напомнил ему вновь о той страшной мысли, которая преследовала его сегодня целый день: существует возможность того, что кто-то поджег дома Игнатьева и Красильниковых. Он мучился этой мыслью целый час в автобусе, потом еще полдня дома, пока помогал жене по хозяйству, мучился ею и сейчас. Нельзя было рассказывать никому из наших. Но держать это в себе Степан не мог. Подумав про себя, он рассудил, что Дмитрий Иваныч не станет никому разбалтывать тайну, которую он, Степан, собрался ему доверить... Более того, даже если б и захотел, то в ближайшее время не смог бы: сейчас он болеет и не выходит из дома, а когда здоров, ведет себя приблизительно так же: все больше лежит в постели и никуда не выходит. Все новости старик узнавал в основном от Грунева, то и дело забегавшего в гости.

— Дед Мить, — тихо, вполголоса позвал Степан.

Дмитрий Иваныч зашевелился в постели и закашлялся.

— Эу, что такое?

— Был сегодня в центре и зашел к Вовке Тряпицыну... Поболтали с ним о том о сем...

— Да? И как там он поживает?

— Хорошо поживает, не жалуется. Не в этом дело, дед Мить...

— Мм... А в чем же?

Грунев ненадолго замолчал, как бы собираясь с мыслями или в последний раз решая, раскрывать или не раскрывать старику страшную тайну.

— В общем... это не точно еще... но как версия... что-то там у них...

Старик кашлянул.

— В общем, Тряпицын сказал, что дома у нас поджигает кто-то.

— Да что ты? Прямо так и сказал?

— Да... Но это не точно, только версия такая... Там какие-то очаги, что-то...

— Поджигает, — задумчиво пробормотал Дмитрий Иваныч. — Ты подумай только...

Грунев подложил еще дров в топку.

— Ну-ка поставь ковш, — старик приподнялся в постели. — Будем чай пить. Расскажешь мне, что к чему...

Долго еще рассказывал Степан деду Мите о своем разговоре с Тряпицыным, долго еще рассуждали они о том, может ли это действительно оказаться правдой и почему же это вообще происходит. Время летело быстро и незаметно. А августовская ночь вновь озарялась пламенем...

Утром в кабинете Тряпицына раздался телефонный звонок. Оторвавшись от бумажной работы, лейтенант поднял трубку.

— Тряпицын слушает.

Разговор продолжался не больше минуты. Да и назвать это разговором было трудно. Выслушав собеседника до конца, лейтенант ответил только:

— Все понял. Выезжаю.

Но, положив трубку, он еще несколько минут оставался недвижим, глядя пустым, ничего не значащим взглядом куда-то в глубокую царапину на большой и тяжелой двери. Наконец он очнулся, потер рукой лоб и правую сторону лица. Выйдя из-за стола, он высунулся в распахнутое окно и крикнул:

— Слава! Быстро сюда! Едем!

Взяв со стола какие-то бумаги и наспех сложив их в папку, он вынул из кармана ключи и вышел из отделения. Заперев дверь и уже пройдя несколько шагов, он вспомнил, что окно осталось открытым, вернулся, обогнув здание, и снаружи прикрыл створки. С другой стороны улицы к нему на всех парах спешил молодой стажер.

— Что там, товарищ лейтенант? — спросил он, тяжело дыша.

— Еще один поджог, — сухо отвечал тот. — Дом Грунева. Есть жертвы.

На этих словах он выронил из рук ключи, растерянно посмотрел по сторонам и с какой-то яростью, резко схватив их с земли, крикнул:

— В машину, быстро!

Татьяну Груневу хоронили в закрытом гробу. За все время между ее смертью и получением разрешения на захоронение не было совершено ни одного поджога. На похоронах собралась вся деревня; стояла невыносимая жара, людям было дурно и страшно. Дмитрий Иваныч постоянно находился рядом со Степаном и всячески пытался его поддержать. Степан же все это время пребывал в состоянии, похожем на сон. Тело его было здесь, вместе со всеми, и все могли его видеть, но мысли и вообще сознание его находились где-то далеко, и никто не мог знать, где именно.

Если прежде жители деревни лишь перешептывались, делясь друг с другом своими соображениями относительно горящих домов, то теперь они заговорили во весь голос. Продолжать скрывать что-либо от них было глупо и вредно, и на следующий день по деревне прокатилась новость: Тряпицын собирает всех в клубе, чтобы говорить о происшедших событиях.

Здание клуба с трудом вмещало в себя всех присутствовавших. У дальней стены за столом сидели лейтенант Тряпицын и стажер. Понемногу народ собрался, и можно было начинать.

Тряпицын встал, и в зале наступило тревожное молчание.

— Как вы все знаете, за последние три с лишним недели в деревне сгорели три дома, — слова его звучали громко и гулко. — Первый пожар был справедливо списан на халатность хозяина дома, я имею в виду Игнатьева...

Услышав свою фамилию, Игнатьев было закопошился, но быстро стих.

— Второй пожар, как мне известно, был списан на неисправность проводки, потому как списать его на халатность хозяев было невозможно: во-первых, это очень ответственные люди, а во-вторых, их и вовсе не было в ту ночь в доме...

Красильниковых не было и в зале, они по-прежнему жили у двоюродной сестры.

— Кроме того, никому из нас и в голову не могла прийти какая-нибудь другая, я хочу сказать, криминальная версия, — Тряпицын оглядел собравшихся. — Тем не менее третий пожар окончательно поставил все на свои места. Я собрал вас всех сегодня здесь, потому что невозможно дальше скрывать очевидный факт: все три пожара были результатом поджога...

В зале поднялся гул, каждый вопрошающе смотрел на соседа, словно надеясь, что в полной тишине все-таки ослышался, и лейтенант сказал нечто совершенно иное.

— Родные мои, — голос Тряпицына вновь привлек к себе всеобщее внимание, и гул затих, — вы все меня хорошо знаете и помните, я сам родом из этих мест и сам хорошо знаю многих из вас...

Тряпицын замолчал. Он перевел взгляд на стажера. Тот внимательно разглядывал собравшихся. Переведя дыхание, лейтенант попытался продолжить:

— Я вынужден признать, что ситуация приобретает катастрофический оборот...

— Катастрофический... оборот, — из глубины зала раздался заплетающийся голос Грунева. Он был пьян. — Кто бы мог подумать... лейтенант, а?

Жители деревни сочувственно смотрели на Грунева, кто-то попросил его успокоиться. Степан замолчал, но продолжал протискиваться вперед, ближе к столу.

— Я должен сообщить вам важную информацию, — продолжал Тряпицын. — После второго поджога я предупредил патрульные службы на въездах в деревню о происходящих в ней событиях и попросил проверять всех въезжающих и выезжающих, всех записывать, а о подозрительных сообщать особо, — лейтенант перевел дыхание. — В общем, в период между вторым и третьим поджогом в деревню никто не въезжал, а выезжали из нее только те, кто постоянно в ней проживает. Вот, например, Грунев, который ездил в центр семнадцатого...

Степан тем временем уже приближался к переднему краю толпы и готов был выйти к столу.

— Из всего этого следствие делает вывод, — голос Тряпицына зазвучал с новой силой, — поджигатель — один из жителей деревни...

Вывалившийся из толпы на этих словах Грунев поднялся на ноги и, шатаясь, прошел к столу. Тряпицын поймал на себе его безумный взгляд.

— И вот еще что, — полупрохрипел-полупрорычал Грунев, повернувшись к собравшимся, — кто бы ты ни был... ведь ты тоже здесь сейчас... знай, гнида, я найду тебя... Я найду тебя еще раньше, чем Вовка, и тогда держись... Держись, тварь!

Тряпицын схватил Степана за руку и попытался успокоить.

— Отстань от меня! — вырывался тот. — Оставь, я нормальный! Я норма-альны-ый!!! — истошным голосом заорал Грунев.

В этот момент все замерли. В зале повисла звенящая тишина. Слышно было только тяжелое дыхание Степана.

— Товарищ лейтенант, — раздался из толпы молодой голос Мишки Черепанова, — разве можно так, без суда и следствия кому-то угрожать? Вы бы присмотрели за Груневым, а то, чего доброго, он тут полдеревни передушит в горячке-то.

В зале одобрительно загудели. Степан смотрел по сторонам обезумевшим взглядом. Тряпицын сказал:

— Вы, конечно, правы. Но я хочу сказать, что заявление Грунева нужно рассматривать только как горячечный бред, никого убивать он не собирается, я это прекрасно знаю, и вы все это прекрасно знаете...

Из толпы вышел Дмитрий Иваныч, он подошел к Степану и что-то тихо сказал ему. Затем, кивнув Тряпицыну, вывел Грунева из клуба через запасной ход.

Несколько дней Грунев жил у Дмитрия Иваныча, и теперь уже старик сам заботился о нем. Окончательно отрезвев, Степан, кажется, немного успокоился, даже стал помогать по хозяйству.

— Слышь, дед Мить, что в мире-то творится, — с порога начал он, разуваясь.

— Что такое?

— Игнатьева-то нашего ночью отметелили...

— Как ты говоришь? — старик встал из-за стола и вышел в комнату, где Грунев складывал дрова, сидя на корточках возле печки.

— Шастается по ночам, как заведенный. Пес знает, что на него нашло, сидел бы себе дома, как все нормальные люди. Да верно все дружков старых ищет... Ну так его и приметили, что он шастается, подумали невесть что... собрались вечером да

и отметилили его... хорошенько так, с душой, как наши умеют... Говорят, свой дом по пьяни спалил, теперь всей деревне мстит, алкаш...

Дмитрий Иванович пробормотал что-то невнятное, вернулся в кухню и ополоснул лицо водой из ведра.

— Зря только, — чуть громче продолжал Грунев. — Не он ведь жжет...

— Отчего ж не он?

— А и не скажу отчего, — отвечал Степан серьезно. — Да только знаю я его... Понимаешь, дед Мить, может, это глупости все, но вот иногда про человека знаешь, что ну не может он чего-то сделать... Да, поддает, все знают, что поддает... но чтобы жечь... Тем более Тряпицын говорил, что Борьке дом тоже кто-то поджег, а не сам он... Одним словом... Черт его знает, что такое творится! — Грунев встал и прошел в кухню. — Совсем народ с ума посходил из-за этого гада... Небось сидит сейчас где-то, радуется, что Борьку зашибли, а не его... Хорошо, хоть руки не переломали...

Грунев зачерпнул ковшом воды и выпил, сделав несколько больших звучных глотков.

— Ну это ничего... Пусть порадует... Мы еще посмотрим... еще...

Как-то раз он снова уехал в центр и вернулся только вечером. Привез с собой ружье и фонарь.

— Это тебе зачем? — спросил старик.

— Как же, зачем, — вздохнул Грунев. — Пойду сегодня ночью на охоту.

— Это ж на кого охотятся ночью, когда не видать ни зги?

— А на того, кто только и ждет такой ночи, чтобы остаться незамеченным... Змея буду ловить, который нам дома жжет...

— Ишь ты! — взмахнул руками старик. — Так, а если не появится он теперь?

— Да как же не появится... Это он после моего дома на дно залег, когда шум поднялся... До того ведь никто от его поджогов не погибал... А тут все собрались, ищут, друг на друга смотрят... Вот он и притих. А после Борьки-то снова все улеглось. Никто ничего не жжет. Тихо стало... А он ведь, дед Мить, не перестанет... Ему снова захочется... Тут-то я его и...

— Что? — Дмитрий Иванович посмотрел в глаза Степану.

— Хм... Да не знаю что... Погляжу хоть на него, тварь такую...

— Ну да, ну да, — забормотал старик. — Ты только, Степа, прежде чем пойдешь, дров мне накопи, а я печь истоплю. Надоест небось всю ночь по деревне-то бродить, вернешься, а у меня тут и тепло, и чаек я сделаю...

— И то верно, — Грунев положил ружье на стол и вышел во двор.

Стояла темная августовская ночь. Деревня спала тревожно: то и дело зажигался в окнах свет, или кто-то выходил во двор курить и смотрел по сторонам, вглядываясь в темноту, вслушиваясь в мерный стук топора, которым колот дрова Степан.

Наконец Грунев вернулся в дом, накинул куртку, взял фонарь и ружье.

— Ну, в добрый путь, — грустно улыбаясь, сказал Дмитрий Иванович.

— В добрый, — ответил Степан сухим металлическим голосом.

Через полчаса в дом ворвался Тряпицын.

— Дед Митя, ты дома?

— Да дома я, дома, — отвечал старик, выходя из кухни.

— Доложили... Грунев... сегодня в центр ездил... ружье... там... Где Степан?!

Степан осторожно, стараясь не шуметь, шел по тропинке между домами, прислушиваясь к каждому шороху и замирая от каждого подозрительного звука, как самый настоящий охотник. Он умело прятался за деревом или забором, когда кто-то из жителей деревни выходил покурить на крыльцо или в уборную. Вот так, думал

он, несколько уже недель ходит по округе ползучая тварь, поджигающая дома, и никто на свете не может ее поймать... Никто, кроме него. Его ведет инстинкт охотника. Его ведет кровь. Тот же зов ведет и поджигателя, а значит, рано или поздно тот тоже выйдет на охоту.

Грунев обходил деревню уже во второй раз, и ему то и дело казалось, что пока он проходит по этой стороне, поджигатель может скрываться на другой. Эта мысль злила его. А злость придавала ему сил. Он шел все быстрее и быстрее, оставаясь при этом тихим и незаметным.

Услышав вдалеке непонятный шорох, Степан остановился. Звук повторился снова. Грунев внимательно посмотрел по сторонам и увидел силуэт человека. Нет, это не был очередной взволнованный житель, нервно курящий на крыльце. Человек стоял возле дома со стороны, противоположной входу. Это был он.

Грунев быстро, но все еще по возможности тихо двинулся в сторону дома. Подкравшись к неизвестному сзади, он затаил дыхание. Хрустнула ветка, и некто обернулся. Степан вскинул ружье и уперся дулом ему в грудь. Тот от неожиданности выронил из рук бутылку, и воздух наполнился едким запахом.

«Бензин, — приняхавшись, понял Степан. — Это он».

Вдалеке появился запыхавшийся лейтенант Тряпицын.

— Степа! — закричал он.

Грунев обернулся, и преступник, пользуясь случаем, рванулся в сторону, но Степан с размаху заехал ему дулом ружья в бок, и тот шумно повалился на землю. Раздался сдавленный стон. В следующую секунду яркий свет фонаря осветил поджигателя. Грунев опустил ружье: перед ним на земле лежал Мишка, старший сын Черепановых.

Прибежавший на свет Тряпицын увидел их двоих и хотел было заговорить с Груневым, но тот бормотал только:

— Нет... нет... не может быть...

— Ну что, товарищ лейтенант, — Мишка улыбнулся, обращаясь к Тряпицыну: — Все еще думаете, что он не собирается никого убивать?

Лейтенант стал подходить ближе, но Грунев поднял ружье и тихо сказал:

— Стой, Вовка, где стоишь... Стой, Вовка... где стоишь...

Протяжно скрипнул взведенный курок. Дуло ружья качалось перед самым носом Мишки, который сидел неподвижно на земле и с каким-то безумным вызовом смотрел в глаза Степана, шумно вдыхавшего носом воздух. Время остановилось для них обоих. «Мишка... Мишка, — думал Грунев. — Ведь этого не может быть... Мишка, который всегда был скромным мальчишкой и никогда не дрался... Мишка, который был дружен со всеми детьми и взрослыми в деревне... Мишка, которого Грунев всячески старался поддержать после внезапной смерти его отца, Черепанова-старшего... носил яблоки для младших детей, давал деньги вдове и самому Мишке... Но нет... Вот он сейчас сидит перед ним и пожирает взглядом... безумный, улыбающийся, — на глаза Грунева навернулись слезы, расплывчатые очертания юного поджигателя смешивались в его голове с едким запахом бензина, с оглушительными ударами его собственного сердца, с шумом крови в голове. — Вот он сидит сейчас здесь... Несмотря ни на что, тот человек, который... тот... который...»

Тряпицын начал осторожно продвигаться ближе к Степану, желая выхватить у того оружие. Кровь прилиwała к голове Грунева, мысли путались, откуда-то из утробы поднималось вверх тяжелое и тревожное чувство, словно огромный камень стремился вверх по гортани, его бросало в жар. Ружье все сильнее раскачивалось в руках. Нет. Он не может убить. Каким легким и верным, единственно справедливым делом казалось ему это еще пару часов назад. Найти. Схватить. Дуло в грудь и спустить курок.

— Почему? — беззвучно прошептал он, глядя в сверкающие в темноте глаза Мишки. — Почему...

Все это продолжалось не более полутора минут, и тем временем Тряпицын все ближе и ближе подбирался к Груневу, но вдруг оступился, и под ногой его предательски хрустнула ветка. Лейтенант тут же бросил взволнованный взгляд на Степана: тот от неожиданности дернулся и спустил курок... Но выстрела не было. Звонкий щелчок раздался, казалось, на всю округу. Грунев опустил ружье и отшатнулся назад. Взгляд его был пустым и ничего не значащим. Глядя куда-то вдаль, он переломил ружье: патрона внутри не было — Дмитрий Иванович вытащил его, пока Степан колдовал дрова. Мишка все это время оставался неподвижен, но тело его то и дело содрогалось от резких неконтролируемых движений. Наконец поняв, что произошло, и вглядевшись в растерянное лицо Грунева, он повалился на землю, разразившись истерическим хохотом. Степан медленно подошел к Черепанову и ударил его ногой в живот. Затем он развернулся и побрел куда-то, не оборачиваясь на возгласы Тряпицына, пытающегося одновременно остановить друга и успокоить поджигателя...

На следующей неделе лейтенант снова зашел к Дмитрию Ивановичу.

— Степа дома?

— Нет, — отвечал старик, — за хлебом вышел вот не так давно. Чаю хочешь?

— Давайте, — Тряпицын снял фуражку и сел за стол. — Это хорошо, что Степана нет дома, — сказал он немного погодя.

— Это почему же?

— Тут открылись обстоятельства... по делу этого Черепанова... Он рассказал на допросе, как все было и... почему...

Дмитрий Иванович поставил на стол чашки с чаем и сел, с вниманием посмотрев на своего гостя.

— На допросе Мишка про отца своего стал рассказывать. Отец мой, говорит, был очень тихим и скромным человеком. Он был очень добр, отзывчив, и все это знали... И вот как-то раз в апреле разговорился он с Борькой Игнатьевым. Тот говорил, что вроде у него большое горе или большая радость и что не с кем поделиться, и предложил отцу пойти в чайную поговорить. Отец, не умея отказать, естественно, согласился. Сели в чайной. Выпили. Естественно, за деньги отца: у Борьки своих отродясь не водилось. А так как отец его, по его же словам, никогда не пил, — Тряпицын отхлебнул чая из чашки, — то его довольно быстро развезло. Ну и понеслась. Борька знай только подливает за чужой-то счет. В общем, говорит этот Мишка, спил Игнатьев его отца в тот вечер. Сам напился и ушел. А Георгия Макарыча, значит, выставили из чайной, и он побрел домой, но до дома не дошел, где-то там упал в канаву и уснул. И никто, говорит Мишка, ему даже не попытался помочь... Ну валяется, говорит, трезвенник Черепанов в канаве и валяется, кому какое дело...

Снаружи что-то скрипнуло и тут же стихло.

— Ну и вот, значит. Все бы ничего, наутро он кое-как очухался, вернулся домой, отогрелся, вроде бы и забыть всю эту историю, так нет. Галька Красильникова ходит по деревне и рассказывает всем, что, дескать, пропали у нее из чайной две бутылки портвейна. Говорит, вчера, мол, сидели у меня вечером только Игнатьев и Черепанов, но Игнатьев ото всего отрешивается, говорит, честно свое выпил и ушел. А Черепанов нет — Черепанов до самого закрытия сидел и уходить не хотел. Вот он-то, говорит Галька, и стянул две бутылки «Семерок» и ходил ночью по деревне, пил их в одного. Докатались слухи и до семейства Черепановых. Так, мол, и так. Жена сцену устраивать, мол, что же это такое?! Черепанов-старший ни сном

ни духом; говорит, не мог он украсть. Да ты не помнишь ничего, говорит ему жена. Разругались, в общем. А слух тем временем по всей деревне идет... В итоге вызвали Черепанова на собрание в клубе. Говорят ему, что вот он, дескать, такой-сякой, а потом Степа выступить решил, да так, говорит Мишка, его пригвоздил, последними, говорит, словами обозвал и сказал, что таким личностям не место в нашей деревне... Георгий Макарыч ушел с собрания красный как рак, слег на неделю с сердцем и помер, оставив после себя вдову и троих детей... Ну, или двоих — Мишке тогда уже девятнадцать было...

Тряпицын допил чай и неосторожно стукнул кружкой по столу.

— Это в апреле все было. И Мишка это все видел, отец ему это все рассказывал, когда с женой разругался и со всей деревней. А в начале мая, говорит, зашел в чайную, Галя-то его подозвала и сказала, что нашла те две бутылки, которые на Черепанова-старшего повесила. Выходит, не виноват он был. И, говорит Мишка, попросила его никому только не рассказывать...

Лейтенант вспомнил, как нервически посмеивался этот молодой парень, говоря: «Представляете, говорит: только не рассказывай никому, я тебя очень прошу... Ха! А я стою и думаю: не расскажу, не бойся, зачем мне рассказывать, — тут он внезапно помрачнел и договорил уже низким серьезным тоном: — Но просто так я этого не съем, нет... Отец никогда не мог постоять за себя... так я это сделаю за него».

— Но почему, говорю, нельзя было приехать ко мне, рассказать все? Мы бы наказали всех виновных и восстановили честное имя твоего отца. Он только смеется. Говорит: что бы вы могли сделать? Взять с них штраф? Отец потерял из-за них все... Вот так, в какие-то минуты, как на пожаре... Был дом, полная чаша, и вдруг — кто-то чиркнул спичкой, и все полыхнуло... И не осталось ни досочки, ничего не осталось... Они, говорит, должны были испытать то же самое. И у него почти получилось: Игнатьев потерял дом и честное имя (как потерял его Черепанов-старший, говорит Мишка), его избили наши, думая, что он поджигатель; Грунев потерял дом и любимого человека (как потерял его Георгий Макарыч, когда жена не поверила ему, и как потерял его сам Мишка, когда умер его отец)... С одними Красильниковыми не получилось, говорит... Но это было дело времени, все равно, говорит, они свое получают. «А чей же ты дом собрался поджигать, когда тебя поймали?» — спрашиваю. А он говорит: чайную хотел поджечь; а то как-то про место преступления все забыли, да и Красильниковы не сполна хлебнули... А Грунев, говорит, молодец... Не впервой ему убивать-то, не впервой...

В прихожей раздался шум, хлопнула дверь, и под окнами промелькнула фигура Степана. Дмитрий Иваныч вскочил, показывая на окно:

— Во двор! Там ружье в сарае!

Тряпицын выскочил из дома и ринулся в погоню за другом, он с разбегу наскокил на Грунева и повалил его на землю. Старик Дмитрий Иваныч со всех ног бежал за ними. Во дворе начал собираться народ...